

НЕМНОГО О БОЯРАХ

Исследования последних десятилетий показали, что представления о боярстве как о реакционной силе, которая противится централизации, в то время как дворяне выступают за централизацию, не соответствуют действительности. Этот экскурс о боярах необходим, чтобы читатель мог убедиться: придется расстаться со схемой, привычной со школьных лет.

Мысль о том, что боярство было постоянной аристократической оппозицией центральной власти, возникла в нашей науке во многом под влиянием знакомства с историей Западной Европы, где гордые и самоуправные бароны сопротивлялись королям и даже императору. Но сопоставление это грешит неточностью. Прежде всего, на Руси не было боярских замков. Высокие ограды боярских усадеб еще не делали их замками по функциям. Функция замка - не защита от вора, а военные действия. Замок осаждали, барон со своими вассалами его оборонял. Это и создавало его независимость. На Руси же еще в период феодальной раздробленности, когда подходил неприятель - иноземный или из соседнего княжества, боярин никогда не принимался за укрепление и оборону своей усадьбы. Русские бояре защищали не каждый свое село, а все вместе - княжеский (позднее - великокняжеский) град и все княжество в целом. Недаром каждый боярин владел в городе "осадным двором", "городная осада" была важнейшей

обязанностью боярства. Поэтому с западноевропейскими баронами сопоставимы скорее удельные князья, чем бояре.

В концепции, по которой реакционное боярство враждебно централизации, заключено внутреннее логическое противоречие. Как широко известно, высшим правительственным учреждением была Боярская дума; все указы и законы оформляли как “приговоры” или “уложения” царя и великого князя с боярами. Все историки согласны, что воплощенная в этих указах правительственная политика была направлена на централизацию страны. Таким образом, если придерживаться традиционной концепции - против боярства. Итак, боярство - своеобразный коллектив самоубийц, настойчиво проводящий меры, направленные против самого себя? В истории, неизвестны случаи, чтобы какая-либо социальная группа на протяжении длительного времени упорно действовала против своих интересов.

Разумеется, эти рассуждения недостаточно доказательны: ведь реальная жизнь слишком сложна и плохо подчиняется самым безупречным и строгим логическим схемам. Да и читатель, знакомый с историей, вправе спросить: а как же быть с боярской идеологией, с убежденностью бояр в своем наследственном праве участвовать в управлении государством и тем самым ограничивать власть монарха? На память сразу приходит князь Андрей Курбский. Ведь привычный взгляд на его воззрения вкратце таков: “идеолог боярской оппозиции”, он требовал ограничить власть царя советом бояр.

Что ж, взглянемся в писания беглого боярина. Первое, что в самом деле бросается в глаза, - его аристократизм. Рассказывая о жертвах гнева царя Ивана, он классифицирует их по генеалогическому принципу. Он никогда не упустит заметить, что казненный - “славнаго” или “велика” рода, указать, кому он “единоплемянен”. Впрочем, не менее аристократичен по своему мировоззрению и его главный оппонент - Иван Грозный; но об этом - позднее. Здесь же отметим, что при всем том Курбский вовсе не стремился ограничить власть царя советом знати. Ведь князь восхваляет политику Избранной рады, а во главе ее стоял как раз незнатный дворянин Алексей Адашев. Да и Избранная рада, как было показано выше, много сделала именно для централизации страны. Следовательно, Курбский - сторонник политики централизации. Спор его с царем - спор о методах.

Да, Курбский считал, что царь нуждается в советах *“мужей разумных и совершенных... предобрых и храбрых... в военных и в земских вещах по всему искусных”*. В этом перечне достоинств нет одного - знатности. И не случайно! Ведь в другом случае Курбский подчеркнул что царь должен искать советов и *“у всенародных (простонародных. - В. К.) человек”*, ибо *“дар духа дается не по богатству внешнему и по силе царства, но по правости душевной”*.

Конечно, каждый боярин с детства был уверен, что он призван участвовать в управлении и командовать войсками, но не как хозяин, а как верный слуга государя. Тщетно мы стали бы искать в боярских писаниях даже намека на борьбу против централизации. Это естественно: ведь бояре, крупные феодалы, были не меньше, а, пожалуй, порой даже больше, чем мелкие, экономически заинтересованы в единстве страны. Чтобы понять, на чем основан этот непривычный вывод, приглядимся к боярским вотчинам.

Для крупных русских феодалов не были характерны обширные латифундии, расположенные *"в одной меже"*, такие, чтобы можно было ехать целый день и в ответ на вопрос, чьи это земли, слышать, как в известной сказке Перро, одно и то же: маркиза де Караба. Обычно у боярина были вотчины одновременно в нескольких уездах - четырех, пяти, а то и шести. Границы же уездов, как правило, совпадали со старыми рубежами княжеств. Поэтому возврат к временам удельного сепаратизма реально угрожал землевладельческим интересам знати.

А титулованные бояре, отпрыски старых княжеских родов, утративших свою независимость и ставших сначала вассалами, а потом и подданными государя всея Руси? Какова их позиция? Конечно, у многих из них сохранились и ностальгическая тоска по *"доброму старому времени"*, и доля неприязни к *"кровопивственному"* роду московских князей (выражение одного из таких потомков удельных князей - Курбского). Но, как было показано выше, жизнь брала свое. Бывшие удельные властители входили в Думу, становились воеводами в полках, наместниками в уездах, разбирали судебные дела. Эти поручения носили общерусский характер, требовали разъездов по стране. Князьям становились необходимы вотчины за пределами родового гнезда, чтобы на новом месте не зависеть от рынка, не пользоваться покупной провизией: в условиях преобладания натурального хозяйства иначе жить слишком накладно.

Была еще одна побудительная причина для приобретения владений за пределами своего родового гнезда. Княжеские вотчины мельчали в семейных разделах. Вот, например, род князей Оболенских. В середине XVI века в этой семье жило одновременно около сотни, а то и больше взрослых мужчин. В их же бывшем удельном княжестве насчитывалось всего около 30 тысяч гектаров пахотной земли. Так что на долю каждого пришлось бы не более 300 гектаров пашни. Но это уже размер владений обычного служилого человека, с такой вотчины по-княжески не проживешь. Вот и приходилось искать новые земли в других уездах.

В результате у многих князей вотчины в родовом гнезде составляли лишь часть (да и то не главную) владений; у некоторых их вовсе не осталось. Поэтому даже для тех князей, чьи родовые владения сохранились, возврат к временам феодальной раздробленности был чреват потерей части их вотчин

и поместий. Кстати, о поместьях. Часто можно прочитать, что бояре владели вотчинами - крупными наследственными владениями, а дворяне - мелкими поместьями, которые давались лишь под условием службы и не передавались по наследству.

Это расхожее мнение не соответствует исторической действительности. Как правило, у одного и того же феодала были в собственности одновременно и вотчины, и поместья. Поместья с самого начала (с конца XV в.) были фактически наследственными и достигали порой весьма больших размеров. Так, например, племянник Малюты Скуратова Богдан Яковлевич Вольский владел в конце XVI века в Вяземском уезде поместьем, составлявшим почти целую волость, в центре которой - большом торговом селе Волочке было больше 100 дворов и 53 лавки. Естественно, существовали и мелкие поместья. Но вместе с тем весьма распространены были и мелкие вотчины, порой приближавшиеся по размерам к крестьянскому наделу. Таким вотчинникам приходилось нередко (наряду с эксплуатацией крестьян) самим ходить за плугом.

Не было разницы и в социальном составе помещиков и вотчинников: и среди тех и других мы можем найти аристократов и мелкую сошку. Так, поместьями владели князья Горбатые (из суздальских князей), Золотые и Щепины (из Оболенских), Хилковы, Гагарины, Татевы (из Стародубских) и многие другие. С другой стороны, вряд ли кто-нибудь заподозрит боярина в таком вотчиннике, как *"путный ключник"* Никифор Дуров. Наконец, каждый вотчинник был обязан служить под угрозой конфискации вотчины, а поместья порой передавали малолетним сыновьям умершего служилого человека, с тем чтобы они, когда *"поспеют"* к службе, служили *"с этого поместья"*. Так что противопоставление вотчин и поместий не выдерживает критики. Но ведь именно это противопоставление - главная опора представлений о борьбе боярства против центральной власти и о поддержке этой власти дворянами.